УДК 124.4

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕАЛА ПРАВИТЕЛЯ И ГЕРОЯ КАК СПОСОБ ЗАДАНИЯ КООРДИНАТ ПАТРИОТИЗМА

Павловская Ольга Виленовна,
Тюменский государственный университет,
институт филологии и журналистики,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: neydacha@yandex.ru

Аннотация
В статье намечается связь между чувством государственности у подданных и идеальными образами правителя и героя. Идеал рассматривается в данном контексте как идеологический продукт, сознательно формируемый или поддерживаемый властью.

Ключевые понятия:
идеал правителя и героя,
власть,
идеология,
патриотизм.

Двоякую форму управления подданными – с помощью силы и идеологии – люди применяли и осмысляли с древности. Совершенно очевидно, что самый тоталитарный режим нуждается не только в отлаженном репрессивном механизме, но и в добровольной помощи населения. Например, в модели легистов система доносов необходима для более полного контроля за отдаленными уделами, куда сравнительно легко отправить глашатая озвучивать самые злободневные законы Сына Неба, но невозможно делегировать достаточное количество проверенных чиновников для контроля. Кроме того, в тоталитарном государстве вообще высок уровень недоверия к промежуточным звеньям власти, так что и совершенство слежки не снимает проблемы надзора. Либо власть будет бесконечно надстраивать новые инстанции поверх старых, создавать комитеты и комиссии более высокого уровня по контролю над комитетами и комиссиями более низкого уровня (модель, с треском провалившаяся в СССР, когда ослабела идеологическая составляющая). Либо дублировать органы управления и надзора (как было в Древней Греции и Византии, при этом в Греции маломальская эффективность обеспечивалась небольшим размером городов и демократической природой полисного существования, а в Византии была неповоротлива, разорительна и без конца увязала в коррупции). Либо же власть сознательно вложит средства в то, чтобы сформировать индивидуального внутреннего «надсмотрщика» в душе каждого своего подданного. Гегель описывает эту стратегию так: «…государство должно заботиться, во-первых, о том, чтобы индивидуумы могли действовать по своему произволу, во-вторых, чтобы они были связаны с ним, в-третьих, чтобы эта связанность не проявлялась как внешняя власть, как печальная необходимость, которой необходимо подчиниться, чтобы в своем понимании люди примирились с этим и воспринимали связанность не как оковы, а как высшую нравственную необходимость» [2, с. 434].

Одним из путей формирования этой «высшей нравственной необходимости» будет, несомненно, апелляция к личной выгоде граждан. Мы можем наобум взять несколько случайных примеров из разных эпох и культур и увидим сходство политической риторики: «Люди любят жизнь больше, чем приволье, и ненавидят смерть больше, чем труд. Совершенномудрый че-

ловек отнял у них приволье и смерть, но дал им труд и жизнь» (Су Сунь, XI век [6, 197]). Знаменитая гоббсовская метафора «войны всех против всех» и рецепт против этой войны в виде Левиафана-государства не нуждаются в представлении. Гегель же считает открытие частного интереса в политике заслугой эпохи модерна: «...интерес особенной индивидуальности связывается со всеобщим, с существованием государства. Сила современных государств состоит прежде всего в том, что эта связь коренится не только в нравственности, но и в особенном интересе каждого» [2, с. 435].

Сложно, однако, связать какую бы то ни было индивидуальную выгоду со служением государству в ситуации, угрожающей непосредственно субъекту или его близким. Аргументация патриота (скажем, Сократа) всегда будет вызывать большее сомнение, нежели аргументация антипатриота (например, Л. Валла), если не постулировать, что жизнь не является высшей ценностью, но если это так, пропадает необходимость в самом государстве, которое только и может быть оправдано сохранением жизни индивида в обмен на его свободу. Поэтому путём согласования личного и государственного интересов следует признать формирование идеалов правителя и культурного героя. Иногда они сливаются воедино, но культурный герой, облаченный высшей властью, может внести ненужный хаос в устойчивую систему. Поэтому чаще функции власти и выполнения некоего подвига достаются разным людям. Герой тривиальным или необычным способом утверждает нечто важное в единичном акте и сходит с арены, а идеальный правитель осуществляет масштабные и долговечные проекты («прорубает окно в Европу», вводит новые законы, завоевывает необходимое жизненное пространство и пр.).

Назначение идеала правителя и героя – подать пример поведения, воспринимаемый целиком и некритично, «заразить» патриотическим духом народ. Если в случае мотивировки подданных личным интересом идеология заимствует методы философии, то в создании идеала тесно примыкает к искусству. Иногда для этого не требуется особенных усилий, достаточно лишь поддержать подходящий фольклорный сюжет: «В 778 г. Карл Великий, недавно задумавший воссоздать Римскую империю, ввел войска в Испанию, с 711 г. захваченную маврами ... Поход был неудачен: за два месяца военных действий удалось только осадить город Сарагосу, но у его защитников были неограниченные запасы воды в крепости, поэтому взять их измором оказалось нереальным, и Карл, сняв осаду, отвел войска из Испании ... в Пиренеях на арьергард войск напали местные племена басков ... Карлу не удалось им отомстить ... Это событие в «Песни о Роланде» в результате фольклорной трансформации выглядит совсем иначе: император Карл, которому за двести лет, ведет в Испании семилетнюю победоносную войну. Не сдался только город Сарагоса. Чтобы не проливать лишней крови, Карл посылает к предводителю мавров Марсилию знатного рыцаря Ганелона. Тот ... проводит переговоры, но затем изменяет Карлу ... На арьергард нападают договорившиеся с Ганелоном мавры («нехристи», а не баски – христиане) и уничтожают всех воинов ... Карл возвращается с войсками и уничтожает мавров...» [4, 20]. Компенсаторный механизм не просто срабатывает, но идеологически закрепляется, песнь становится культовым национальным произведением. Заметим, что Карлу здесь придан обычный для идеальных правителей термин «Великий» (так же точно, как Великими зовутся мифический китайский Жёлтый Император, российский император Петр Первый, прусский курфюрст Фридрих Вильгельм и пр.).

Письменная фиксация фольклорных произведений ничего не изменяет в данной тенденции, разве что ложь удваивается – «трансформации» подвергаются не только исторические события, но и сложившаяся традиция определенным образом вспоминать о них. При этом авторы могут считать, что преследуют лишь цель служения «чистому» искусству, но не забудем, что это искусство здесь национально, то есть идеализируется, по сути, собственная история и её акторы: «Основной причиной появления фальсифицированных произведений в фольклористике принято считать стремление издателей и их корреспондентов восполнить разрушенную, по их мнению, целостность эпоса... Ключевым историко-культурным концептом авторов фальсификаций, как убеждает анализ общеевропейских закономерностей, есть своеобразное «заполнение лакун» национальной устной словесности, поскольку в романтической парадигме «неполнота» (в сравнении с зарубежьем или с умозрительным идеальным состоянием древней словесности) записанного материала воспринималась как «настоящее несчастье» ... Другим аспектом появления фальси-

фикатов было пробуждение национально-освободительных движений в Европе и, соответственно, потребность поисков обоснования борьбы в духе народа» [5]. Своеобразная ирония ситуации заключается в том, что как в фольклоре фигуры идеальных правителей и героев воспринимаются носителями культуры в абсолютном отрыве от исторических реалий (они словно современны нам в своей прозорливости и добродетели, иначе не смогли бы послужить примером), так и фальсификации в искусстве не изучаются средствами искусствоведения: «Критериев анализа фальсификации в литературоведении или фольклористике не выработано. Причины этого, как представляется, вполне объективные: это явление и его продукты воспринимались однозначно как негативные и ценные только как артефакты истории становления науки (для литературоведения критерием негации стало отсутствие оригинальности, для фольклористики – нарушение принципа народности и органической связи с бытом), зато значительное внимание уделено поиску тех черт, которые отделяют их от исконно народных» [5].

То есть научное разоблачение идеального правителя\героя и анализ лжеисточников, повествующих об этих идеальных людях, происходят на принципиально другой площадке, нежели та, где осуществляется воздействие на носителя культуры. Опровергать идеологические мифологемы никто не стремится: в научном сообществе один раз доказанное не нуждается во вторичном доказательстве. Спорить же с художественным образом (если идеализированных людей считать таковыми) можно лишь путем прямого запрета какой-то интерпретации в искусстве (что невозможно в силу ангажированности выгодных образов властью) или с помощью альтернативного художественного образа. Идеологическая поддержка делает идеал практически неуязвимым.

В этом ракурсе, разумеется, было бы гораздо честнее ориентировать подданных на полностью выдуманных персонажей (что и делается в искусстве модерна с изобретением фантастики). Однако связь с придуманными идеальными персонажами слаба, так как это всего лишь связь с национальным искусством, а не с национальной историей.

Следует задуматься, в чем причина надежности механизма внушения, позволяющего с феноменальной цепкостью существовать образам идеальных правителей и героев в общественном сознании. В чем состоит «интерес» власти, понятно, но тоже не до конца, например, идеал, заданный Кун-цзы, подразумевает не только послушание подданных, но и жертвенность самого правителя: «Цзы-лу спросил: «В чём состоит правление?» Философ ответил: «В том, чтобы предупреждать народ своим примером и трудиться для него» [3, с. 225]. Таким образом, поддерживая конфуцианство как официальную идеологию государства, китайские правители, кажется, налагали на себя обременительные обязанности. Однако можно предположить, что идеал, став устойчивым благодаря активной декларации, формировал не только ожидания подданных, но и их оценки, заставляя априори воспринимать любого правителя или чиновника как воплощенное совершенство, чем «благородные мужи» и пользовались. «Интерес» народа в создании идеального правителя или героя в еще большей степени нуждается в анализе. Нельзя объяснить активное формирование идеала лишь ущемленной национальной гордостью, стремящейся переиграть в мистическом пространстве искусства военные и политические неудачи (как в вышеприведенном случае с Карлом Великим). Этот процесс происходит постоянно, и в нём участвует всё общество, а не только какая-то его прослойка, формирующая непосредственный пример для подражания. Создается впечатление, что общество участвует в создании идеала, чтобы склонить определенную меньшую часть (потенциальных героев) умереть ради большей части, если того потребуют обстоятельства – а идеальный правитель обеспечивает условия, при которых этот обмен состоится по наиболее выгодному «курсу». Эта тема достаточно хорошо была освещена философами постмодерна: «Власть возможна лишь при условии, что смерть больше не гуляет на воле, что мертвые помещены под надзор» [1, с. 238].

Если это предположение состоятельно, значит, власть и общество в акте создания идеала выступают союзниками, хотя каждая из сторон использует полученный образ по-своему. Идеология обладает живучестью не только потому, что в крайнем случае может быть подкреплена силой, не по инерции, не потому, что кому-то приносит видимую прибыль (в материальном эквиваленте или в почестях), но и потому, что правитель занимается сегрегацией общества, защищая

не-героическое большинство. Однако эта защита в наименьшей степени осуществляется напрямую, при помощи внешней или внутренней армии. Идеология закрепляет идеалы, позволяющие в кризисной ситуации умирать не всем – и умирать осмысленно.

Напрашивается интересный вывод. Если классическое понимание идеала изменяется, отходит на второй план (максимум, предельное напряжение сил, единственная верная стратегия выживания заменяется оптимумом в качестве основной жизненной стратегии, поливариантностью будущего, чему способствует сравнительно комфортное существование социума в развитых странах), то не означает ли это естественного отмирания патриотизма и чувства государственности вообще? Культурная идентичность может великолепно сохраняться и вне государственных границ, чем «теснее» становится мир, тем меньше человек привязан собственно к топосу. Возможно, процессы, которые мы неловко называем «глобализацией», свидетельствуют как раз в пользу этого предположения.

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

3. Конфуций. Суждения и беседы. Ростов н\Д: Феникс, 2006. 304 с.

4. Луков, В.А. Большая серия знаний. Мировая литература. М.: Изд-во «Мир книги», 2006. 128 с.

5. Цікавий, С.А. Проблема жанрової трансмісії думи: від підробок до жанротворення (Проблема жанровой трансмиссии думы: от подделок к жанротворению). Авторский пер. Цикавого С.А. [Электронный ресурс]. URL: http://litmisto.org.ua/?p=20000.

6. Щуцкий, Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М.: Наука. 1993. 583 с.

References

1. Bodriyyar, Zh. (2000) Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic change and death]. M.: Dobrosvet, 387.

2. Gegel' G.V.F. (1990) Filosofiya prava [Philosophy and right]. M.: Mysl', 524.

3. Konfutsiy, (2006) Suzhdeniya i besedy [Judgements and conversations]. Rostov n\D: Feniks, 304.

4. Lukov, V.A. (2006) Bol'shaya seriya znaniy. Mirovaya literature [A large series of knowledge. World literature]. M.: Izd-vo «Mir knigi», 128.

5. Tsнkaviy, S.A. Problema zhanrovoy transmissii dumy: ot poddelok k zhanrotvoreniyu [The problem of genre thought transmission: from forgery to genre creation]. Avtorskiy per. Tsikavogo S.A. Available at: http://litmisto.org.ua/?p=20000.

6. Shchutskiy, Yu.K. (1993) Kitayskaya klassicheskaya «Kniga peremen» [Chinese classic "Book of Changes"]. M.: Nauka, 583.

UDC 124.4

FORMATION OF LEADER'S IDEAL AND HERO AS THE MEANS TO SET COORDINATES OF PATRIOTISM

Pavlovskaya Olga Vilenovna,
Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
Associate Professor of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy),
Tyumen, Russia.
E-mail: neydacha@yandex.ru

Annotation
The article is focused on the relationship between a sense of nationhood among subjects and the ideal image of the leader and hero. The ideal is considered in this context as an ideological product, deliberately formed or supported by the authorities.

Key concepts:
ideal leader and hero,
authority,
ideology,
patriotism.